К ИСТОРИИ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА СОЛОВЬЕВА

А. В. Соболев

Создать философское общество в России впервые попытались в Петербурге зимой 1879/80 г. после ряда предварительных обсуждений на квартире товарища министра финансов Ф. Г. Тернера, интересовавшегося по преимуществу религиозными вопросами, 15(27) февраля 1880 г. было созвано совещание учредителей будущего философского общества для выработки устава. Учредителями были Вл. Соловьев, Н. Страхов, Э. Радлов, М. Каринский. К. Бестужев-Рюмин, Д. Цертелев, А. Светилин и некоторые другие лица. Устав был выработан и передан на рассмотрение Ученого комитета Министерства народного просвещения. Будучи членом этого комитета, Вл. Соловьев дал свое заключение относительно представленного устава.

Обосновывая необходимость создания философского общества, Соловьев писал, что изгнание из университетов в 1849 г. философии привело к снижению образовательного уровня в университетах и гимназиях и пагубно отразилось на развитии наук. «Для плодотворных и широких обобщений в науке, — писал он, в частности, — необходимы известные универсальные начала и идеи, которые должны давать обобщению определенное направление и цель, а эти начала и идеи, не находящиеся ни в одной частной науке, могут быть установлены только всеобщею наукою — философией»[1]. Восстановление в 1863 г. на историко-филологических факультетах кафедр философии не спасло положения, ибо их существование продолжало оставаться почти номинальным. «Фактически философия попрежнему находит некоторое убежище лишь в духовных академиях, вдали от общего течения жизни и науки»[2]. В таких условиях создание философского общества Соловьев признавал желательным и своевременным.

Иначе посмотрел на данный вопрос министр внутренних дел Д. А. Толстой, который посчитал создание философского общества праздной затеей и не утвердил его устав.

Более успешной оказалась попытка москвичей. Воспользовавшись горьким опытом петербуржцев, они не стали дразнить гусей словом «философия» и закамуфлировали свое предприятие более

© А. В. Соболев, 1993

безобидным словом «психология». 15 июля 1884 г. устав Московского психологического общества был утвержден, и 24 января 1885 г. общество собралось на первое свое заседание под председательством философа профессора Московского университета М. М. Троицкого, по чьей инициативе оно и было создано.

Хотя в этом деле известную роль сыграла случайность, но право на приоритет Москва, видимо, заслужила. Как отмечает хорошо осведомленный в этом вопросе Э. Радлов, «в Петербурге как центре высшей администрации государства философские интересы играли совершенно второстепенную роль, чего нельзя сказать о Москве, где выступления Соловьева или заседания Психологического общества обращали на себя всеобщее внимание»[3].

Москвичам удалось сделать и следующий шаг по пути все большей институциализации философии в России. На деньги, полученные от мецената, кондитерского фабриканта Абрикосова, Московское психологическое общество с 1889 г. начало издавать фактически первый в России философский журнал[4] «Вопросы философии и психологии», который сразу же приобрел всероссийское значение и издавался без перерывов вплоть до 1918 г. Для сравнения отметим, что созданное наконец-то в 1897 г. Петербургское философское общество так и не смогло основать собственный печатный орган, если не считать выпущенных уже перед самым закрытием этого общества в 1922 г. трех номеров журнала «Мысль».

Если Московское психологическое общество и Петербургское философское общество были созданы при соответствующих университетах и охватывали главным образом только академические круги, то в начала XX столетия всплеск широкого общественного интереса к философским и религиозным вопросам привел к созданию уже целой сети религиозно-философских обществ и кружков, включавших в себя представителей самых разнообразных профессиональных и социальных слоев.

Здесь пальму первенства приходится отдать Петербургу, где по инициативе Д. Мережковского, З. Гиппиус, Д. Философова, В. Розанова, В. Тернавцева и под председательством ректора Духовной академии епископа Финляндского Сергия (будущего Патриарха Всея Руси) с 29 ноября 1901 г. начали регулярно созываться религиозно-философские собрания, сыгравшие большую роль в формировании идейной атмосферы начала века. В апреле 1903 г. эти собрания были запрещены обер-прокурором синода К. П. Победоносцевым, но с 1907 г. они возобновили свою деятельность уже под председательством А. В. Карташева.

В Москве основные религиозно-философские кружки, в том числе и интересующее нас Общество памяти Вл. Соловьева, образовались в непосредственной связи с революционным подъемом 1905 г. Но для того чтобы сразу явиться на свет как бы во всеоружии и занять заметное место в духовной жизни Москвы, соловьевское общество должно было вобрать в себя ручейки предшествующих инициатив.

Одним из резервуаров молодежной философской активности для общества явилась философская секция основанного в 1902 г.

князем Сергеем Трубецким при Московском университете Студенческого историко-филологического общества[5]. Наиболее деятельные ее члены, захваченные в 1905 г. идеями христианского социализма, образовали недолго просуществовавшее Христианское братство борьбы, а затем стали наиболее деятельными членами соловьевского общества (Свенцицкий, например, в первый же год существования общества прочел два доклада, причем первый из них, «Террор и бессмертие», еще весь дышит революционными настроениями периода Братства, а В. Эрн на протяжении всей истории существования общества прочел не менее девяти докладов).

Другим резервуаром стал кружок «аргонавтов», сформировавшийся в 1903—1904 гг. вокруг Андрея Белого, Сергея Соловьева и Эллиса (Л. Кобылинского). Один из старших членов кружка «аргонавтов» — Г. А. Рачинский стал позднее председателем Общества памяти Вл. Соловьева. Кружок «аргонавтов» в социально-политическом отношении имел анархистскую направленность, но в большей степени интересовался вопросами эстетики и мистики. Проект так и не состоявшихся сборников «Арго» предусматривал пять разделов:

1. Поэзия, проза, эстетика (ответственные Л. Эллис, С. Соловьев).
2. Философия (ответственные Г. Рачинский, М. Эртель).
3. Наука (ответственные М. Эртель, Л. Эллис).
4. Мистика (ответственные Н. Киселев, М. Эртель).
5. Общественные вопросы.

Причем в черновых заметках Эллиса[6], из которых почерпнуты нами эти сведения, последний пункт так и не нашел ответственного и был в конце концов вычеркнут.

Точная дата образования Религиозно-философского общества нам пока не известна. Мемуарные источники, на которые, впрочем, нельзя вполне полагаться, указывают либо на осень 1905 г., либо на 1906 г. Документально установленные следы деятельности общества восходят к осени 1906 г.

Деятельность общества основывалась на прочном материальном фундаменте, обеспеченном богатой меценаткой Маргаритой Кирилловной Морозовой, роль которой в развитии русской культуры начала XX в. весьма значительна. Она передала государству очень ценную коллекцию русской живописи, поддерживала материально композитора А. Скрябина, но главный ее вклад — это вклад в развитие философской культуры в России.

Кроме того, что на ее средства под редакцией Евгения и Григория Николаевичей Трубецких издавался общественно-политический журнал «Московский еженедельник», при обществе было создано философское издательство «Путь», которое выпустило в свет библиотеку книг ведущих русских философов начала века (упомянем здесь хотя бы такие ставшие знаменитыми произведения, как «Столп и утверждение Истины» свящ. Павла Флоренского, «Два града» и «Свет невечерний» С. Н. Булгакова, «Философия свободы» Н. А. Бердяева, «Борьба за логос» В. Эрна, «Миросозерцание Вл. Соловьева» Е. Н. Трубецкого), издало ряд переводных книг, среди которых следует упомянуть переводы работ Владимира Соловьева, из-

данных первоначально на французском языке («Россия и вселенская церковь» и «Русская идея»), и серию книг о русских мыслителях. В этой серии вышли книги Н. Бердяева «А. С. Хомяков», В. Эрна «Г. С. Сковорода», С. Аскольдова «А. А. Козлов» и в плане издательства были объявлены книги о К. Леонтьеве (В. В. Бородаевского), Н. Ф. Федорове (Н. А. Бердяева), М. М. Сперанском (А. Е. Ельчанинова), А. И. Бухареве (С. С. Розанова), Ф. И. Тютчеве (Вяч. Иванова), Н. В. Гоголе (В. В. Зеньковского) и Серапионе Машкине (П. А. Флоренского)[7].

При обществе был создан музей Владимира Соловьева, собиравший рукописи и книги самого Соловьева, а также посвященные ему книги и статьи и все так или иначе связанное с жизнью и творчеством Соловьева.

И наконец, обществом устраивались получившие широкую известность регулярные закрытые и публичные заседания, на которых обсуждался широкий спектр философских и религиозных вопросов с привлечением не только московских, но и петербургских философов. В §3 Устава общества говорилось: «Общество находится в Москве, но район его деятельности распространяется на всю Россию»[8].

Чрезвычайно интересная характеристика духовной атмосферы, царившей на заседаниях Общества памяти Владимира Соловьева, содержится в мемуарах его сотрудника Н. С. Арсеньева. Но поскольку он характеризует ее, сопоставляя с атмосферой заседаний другого важного для духовной жизни Москвы религиозно-философского сообщества, а именно самаринского кружка, или «Кружка ищущих христианского просвещения», то сначала сообщим некоторые сведения о последнем. Это тем более важно, что многие мыслители активно работали в обоих объединениях и эти объединения как бы дополняли друг друга. Самаринский религиозно-философский кружок вырос из первоначально имевшего политическую ориентацию «Кружка москвичей», возникшего на волне политического подъема 1905 г. Этот кружок во главе с братьями Самариными объединял два с половиной десятка людей, консервативно настроенных и славянофильски ориентированных. С. Булгаков очень ярко выразил настроения этих людей, озабоченных судьбой России и предчувствовавших катастрофические последствия развертывающихся событий. «Слишком страшно было думать всерьез и говорить о гибели России... тем более, что еще оставалась надежда найти внереволюционный, свободный от красной и черной сотни культурный центр... Культурный консерватизм, почвенность, верность преданию, соединяющаяся со способностью к развитию, — таково было это задание, которое и на самом деле оказалось бы спасительным в истории, если бы было выполнено»[9]. Булгаков не входил в этот кружок на стадии политической направленности его деятельности, так как в это время жил еще в Киеве, да, кроме того, по его признанию, несмотря на глубокую симпатию к этим людям, он не мог полностью разделить их умонастроений.

«Впрочем, про себя лично скажу, — пишет он, — что хотя в бытовых и практических отношениях я шел об руку с этим культурным консерватизмом (как он ни был слаб в России), исповедовал по-

чвенность, однако в глубине души никогда не мог бы слиться с этим слоем, который у нас получил в идеологии наиболее яркое выражение в славянофильстве (с осколками славянофильства: Ф. Д. Самариным, П. Б. Мансуровым, М. А. Новоселовым, В. А. Кожевниковым и др. я лично дружил). Меня разделяло общее ощущение мира и истории, какой-то внутренний апокалипсис, однажды и навсегда воспринятый душой, как самое интимное обетование и мечта. Русские почвенники были культурные консерваторы, хранители и чтители священного предания, они были живыми отрицателями нигилизма, но они не были его преодолением, не были потому, что сами они были, в сущности, духовно сыты, и никуда не порывались души их, никуда не стремились, Они жили прошлым, если только не в прошлом. Их истина была в том, что прошлое есть настоящее, но настоящее-то не есть только прошлое, но оно есть и будущее, и притом не только будущее, которое есть выявление прошлого через настоящее в будущем, т. е. только прошлое, а будущее как новое рождение»[10]. И далее Булгаков говорит, что собственное апокалиптическое ощущение прерывности роднит его с революцией и даже, как это ни горько ему признать, с русским большевизмом. В свете того, что будет сказано в дальнейшем об атмосфере в Обществе памяти В. Соловьева, станет понятно, что именно его внутреннее беспокойство, ощущение прерывности заставит Булгакова, не порывая с самаринским кружком, перенести центр своей деятельности в Общество памяти В. Соловьева.

На стадии политической активности «Кружок москвичей» был озабочен тем, что нарождающийся в России парламентаризм неизбежно вытолкнет на поверхность политической жизни безответственных демагогов, манипуляторов общественным мнением, что только приблизит Россию к катастрофе.

Выражая эти опасения, активный член этого кружка В. В. Кожевников в письме от 7 июля 1905 г. пишет Ф. Д. Самарину: «Не знаю, скоро ли суждено нашей родине окунуться в дрязги парламентаризма, но к грязным приемам партийной агитации уже приступлено в широких размерах. Это можно считать началом практического политического воспитания той части "полноправного (?!)" общества, которую социалист Каутский называет голосующей скотиной»[11]. Политическая программа кружка предусматривала не структурное преобразование общественного строя, а приближение к верховной власти опытных и ответственных лиц, связанных с гущей народной жизни, а не с бюрократией. Например, в подписанной членами кружка записке, поданной съезду губернских предводителей дворянства в Москве 24 апреля 1905 г., говорилось: «Нет у нас Суворовых, Скобелевых в военном деле, нет у нас Сперанских, Киселевых, Муравьевых-Амурских в гражданском управлении, нет у нас митрополитов Филаретов в мире духовном. Недостаток в людях не в зависимости от государственного строя, а в зависимости от той среды, из которой они выходят, в которой они воспитываются»[12].

Разочарование в ходе политического развития России побудило членов кружка прекратить к концу 1906 г. политическую деятельность и сосредоточиться на духовных поисках и религиозном про-

светительстве. Смена направления деятельности повлекла за собой и смену наименования объединения, которое стало называться «Кружком ищущих христианского просвещения»[13], «корниловским» по фамилии хозяина дома, где происходили собрания, или «самаринским» кружком, а после смерти в 1916 г. его председателя Ф. Д. Самарина и в 1917 г. В. А. Кожевникова кружок возглавил М. А. Новоселов, и в литературе он часто встречается под именем «новоселовского».

Кроме систематических курсов и отдельных докладов, читавшихся в кружке, было задумано и осуществлено издание «Религиозно-философской библиотеки», составленной из небольших по объему и написанных доступным языком книг по различным религиозным и философским вопросам.

Теперь обратимся к свидетельству современника, отметившего и определенный параллелизм, и существенные различия между двумя главнейшими московскими религиозно-философскими объединениями.

«Там, в соловьевском обществе, — пишет Н. С. Арсеньев, — была иногда даже хаотичность и соблазнительность духовных исканий. Здесь, в корниловском кружке, была крепкая укорененность в жизни Церкви, при всей широте научного кругозора. Это была духовная лаборатория, там — шумная арена, где нужно было учиться выступать в защиту своих религиозных и философских убеждений»[14].

Поскольку настоящая работа преследует цель ввести в научный оборот материалы для истории «соловьевского» общества, то не пожалеем места для пространной цитаты, красочно его характеризующей.

«Здесь, — пишет Арсеньев, — охватывало вас веяние яркого "александрийского" культурного цветения. Пышный культурный цвет, но не всегда без червоточины, не всегда без некоторой гнили, не всегда свободный от некоторого "декаданса", зато часто без "трезвения". В этом была черта некоторого отличия, тонкая линия водораздела между атмосферой корниловского кружка и "Обществом памяти Соловьева". Но какое богатство тем и тонов представляло это соловьевское общество! И много было интересных исканий, искренних порывов, столкновений мнений. Это была религиозность, но в значительной степени (хотя и не исключительно) вне-церковная, или, вернее, не-церковная, рядом и с церковной, а главное, вливалась сюда порой и прямая струя "символического" оргиазма...

Вообще же собрания соловьевского общества, в котором дух псевдорелигиозного "оргиазма", смешивающий религиозное с безудержным исступлением плоти, отнюдь — повторяю — не был господствующим, а лишь одним из представленных течений, — вообще же эти собрания оставили во мне, вопреки всему, благодарную память. Масса интересных лиц, большой подъем религиозного, научного и философского интереса, глубоко искренние и вдохновенные выступления С. Н. Булгакова (его председателя) в защиту христианства против марксистского грубого нигилизма, богатство тем — "Бранд" Ибсена, Франциск Ассизский, христианство и социальный вопрос, Владимир Соловьев в ранний период своего фило-

софствования, средневековая мистика, Гегель как мистик, Ницше и христианство, античная религиозность, смысл жизни с христианской точки зрения и т. д., а главное — огромная культура и умственная чуткость и некий динамизм духовный, воплощенный в лице одного из столпов общества... Г. А. Рачинского, — все это оплодотворяло и зажигало»[15].

Какими бы красочными ни были описания мемуариста, пальму первенства мы все же должны отдать сухому документу. И как ни прискорбно констатировать, даже в этой области, в сводке материалов для истории институциализации философии в России нас опережают зарубежные исследователи, хотя документы нам куда доступнее, чем им.

В прекрасном, содержательном и хорошо документированном труде по истории петербургских религиозно-философских собраний[16] немецкая исследовательница Ютта Шеррер приводит хотя и далеко не полный, но все же довольно внушительный список докладов, прочитанных в Религиозно-философском обществе памяти В. Соловьева, что лучше всяких мемуаров характеризует и масштаб и значение работы этого общества. Мы же в лучшем случае лишь упоминаем о его существовании. Пользуясь тем, что пока еще не всю работу проделали за нас зарубежные исследователи, представим здесь значительно расширенный и уточненный список докладов, прочитанных в этом обществе. К сожалению, ради экономии места мы не сможем привести раскрывающие содержание этих докладова развернутые тезисы, обычно печатавшиеся на повестках, хотя они и представили бы значительный интерес, тем более что далеко не все доклады (особенно 1917—1918 гг.) были обнародованы в печати.

Ниже публикуется список докладов, прочитанных в обществе, с указанием сведений об их публикации. Сведения о докладах первых годов существования общества почерпнуты нами из книги Ютты Шеррер.

1906—1907 гг.

X. 1906	В. Эрн. Филологизирующий астроном (Богословский вестник, 1906. Ноябрь) и Борьба за логос (М., 1911).
4.XI 1906	С. Булгаков. Достоевский и революция.
Без даты	Д. Д. Галанин. Мое религиозное мировоззрение.
Б. д.	В. Эрн. Методы исторического исследования и «Сущность христианства» Гарнака (В. Эрн. Борьба за логос).
Б. д.	П. Серебровский. Христианство и социализм.
4.XII 1906	В. Свенцицкий. Террор и бессмертие (Вопросы религии. 1908. Вып. 2).
Б. д.	Н. Бердяев. Великий инквизитор Достоевского (Вопросы философии и психологии. 1907. Т. 86).
Б. д.	Арх. Михаил. О будущем христианства.
Б. д.	В. Свенцицкий. Религиозный смысл «Бранда» Ибсена.
Б. д.	И. Трегубов. Разбор лекции В. Свенцицкого о Льве Толстом.
3.V. 1907	В. Эрн. Социализм и христианство в их учении о прогрессе.
Б. д.	В. Эрн. Социализм и проблема свободы (Живая жизнь. 1907. № 2; В. Эрн. Борьба за логос).

1907—1908 гг.

Б. д. Ф. Зелинский. Характер античной религии в сравнении с христианством (Русская мысль. 1908. № 2).

Б. д. А. Белый. О новом искусстве символизма.

29.I 1908 В. Свенцицкий. Мировое значение аскетического христианства (Русская мысль. 1908. № 5).

1908—1909 гг.

31.I 1909 С. Булгаков. О первохристианстве (С. Булгаков. Два града).

22.II 1909 С. Булгаков. Первохристианство и новейший социализм (Вопросы философии и психологии. 1909. Т. 98; С. Булгаков. Два града)

8.III 1909 С. Булгаков. Народное хозяйство и религиозная личность (С. Булгаков. Два града).

Б. д. Н. Бердяев. Опыт философского оправдания христианства. О книге Несмелова «Наука о человеке» (Русская мысль. 1909. № 9).

Б. д. В. Эрн. идея катастрофического прогресса (Русская мысль. 1909. № 10).

1909—1910 гг.

26.II 1910 В. Эрн. Размышления о прагматизме (В. Эрн. Два града).

Б. д. С. Франк. Прагматизм как философское учение (Русская мысль. 1910. № 5).

9.IV 1910 С. Булгаков. Апокалиптика, социология, философия и история, социализм. Религиозно-философские параллели (Русская мысль. 1910. № 6).

Б. д. Н. Бердяев. Утонченная Фиваида. Религиозная драма Гюйсманса (Русская мысль. 1910. № 7).

Весна 1910 С. Франк (О Ницше?) (ЦГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. Ед. хр. 2939. Л. 3).

1910—1911 гг.

1.XI 1910 А. Белый. Трагедия творчества у Достоевского (А. Белый. Трагедия творчества. Достоевский и Толстой. М., 1911).

4.XI 1910 С. Гессен. О книге Э. Ласка.

12.XII 1910 Н. Бердяев. А. С. Хомяков и мы. (Судьба славянофильства). (Ф.)

10.II 1911 В. Иванов. Религиозное дело Соловьева (В. Иванов. Борозды и межи. М., 1916; Сборник первый о Вл. Соловьеве. М., 1911).

В. Эрн. Гносеология Соловьева (Сборник первый о Вл. Соловьеве).

1911—1912 гг.

30.XI 1911 В. Зеньковский. Проблема бессмертия у Л. Н. Толстого. (Ф.)

29.I 1912 С. Булгаков. Смысл хозяйства. (Религиозно-философское значение основных хозяйственных функций — производства и потребления). (Ф.)

19.II 1912 Е. Трубецкой. Старый и новый национальный мессионизм (Русская мысль. 1912. № 3). (Ф.)

11.III 1912 Е. Лундберг. Религиозный индивидуализм и католическая реакция. (Ф.).

1912—1913 гг.

4.XI 1912 Б. Грифцов. Религиозная судьба Константина Леонтьева. (Ф.)

25. XI 1912 С. Дурылин. Религиозная судьба Лермонтова. (Ф.)

23.I 1913 С. Аскольдов. Время и его религиозное значение. (Ф.)

3.II 1913 В. Зеньковский. Проблема религиозного опыта. (Ф.)

26.III 1913 С. Дурылин. Церковь Невидимого Града. Сказание о граде Китеже. (Ф.) (Изд. Орош. М., 1917).

3.IV 1913 С. Соловьев. Эллинизм и христианство. (Ф.)

1913—1914 гг.

20.X 1913 С. Соловьев. Идея церкви в поэзии Владимира Соловьева.

14. XI 1913 В. Иванов. О границах искусства (В. Иванов. Борозды и межи). (Ф.)

1.XII 1913 С. Дурылин. Николай Семенович Лесков. Опыт характеристики личности и религиозного творчества. (Ф.)

11.I 1914 В. Эрн. Размышление о природе естественных наук. (Ф.)

2.II 1914 С. Булгаков. Русская трагедия. О романе Достоевского «Бесы» (по поводу его инсценировки в МХТ) (Русская мысль. 1914. № 4; С. Булгаков. Тихие думы). (Ф.)

В. Иванов. Основной миф в романе «Бесы» (Русская мысль. 1914. № 4; В. Иванов. Борозды и межи).

26.II 1914 Е. Трубецкой. Свет Фаворский и преображение ума (по поводу книги о. П. Флоренского «Столп и утверждение истины»).

20.IV 1914 Б. Столпнер. Каббала как особый тип религиозного сознания. (Ф.)

1914—1915 гг.

6.X 1914 С. Булгаков. Русские думы (Русская мысль. 1914. № 12).

В. Эрн. От Канта к Круппу (Там же).

В. Иванов. Вселенское дело (Там же).

Г. Рачинский. Братство и свобода (Там же).

Е. Трубецкой. Война и мировая задача России (Там же).

30.X 1914 С. Дурылин. Россия и Лермонтов. К изучению религиозных истоков русской поэзии (Христианская мысль. 1916. № 2).

19. XI 1914 А. Щербин. Значение переживаемого момента для развития русской философской мысли. (Ф.)

15.I 1915 Беседа на тему «О нашем отношении к германской культуре». Вступительное слово В. Эрна. (Ф.)

29.I 1915 В. Эрн. Сущность немецкого феноменталиэма (В. Эрн. Меч и крест. М., 1915).

8.IV 1915 С. Дурылин. Град София. Св. София и Царьград в русском народном религиозном сознании (М., 1915). (Ф.)

1915—1916 гг.

22.XI 1915 Е. Трубецкой. Умозрение в красках. Вопрос о смысле жизни в древнерусской религиозной живописи.

29.XI 1915 С. Дурылин. Начальник тишины. Из летних впечатлений на Светлом озере и в Оптиной (Сергиев Посад, 1916).

17.I 1916 С. Булгаков. Софийность мира.

25.III 1916 Н. Устрялов. Национальная проблема у первых славянофилов (Русская мысль. 1916. № 10).

24.IV 1916 Е. Трубецкой. Два мира в древнерусской иконописи. М., 1916. (ф.)

1916—1917 гг.

28.X 1916 Беседа на тему «Икона и картина». Вступительное слово А. Сидорова.

4.XI 1916 Л. Шестов. Право на истину (по поводу книги Вяч. Иванова «Борозды и межи»).

13.XI 1916 Заседание, посвященное памяти К. Н. Леонтьева, по случаю 25-летия со дня его кончины. Вступительное слово председателя общества Г. А. Рачинского.

Речи: протоиерея Г. Фуделя «К. Леонтьев и В. Соловьев», С. Дурылина «Писатель-послушник» С. Булгакова «Победитель-побежденный. Судьба Леонтьева». (Ф.)

30.XI 1916 Б. Бугаев. Александрийский период и мы в освещении проблемы «Восток и Запад». (Ф.)

10.I 1917 Л. Успенский. О компромиссе в морали. (Ф.)

27.I 1917 Е. Трубецкой. Мировая бессмыслица и мировой смысл (Е. Трубецкой. Смысл жизни. М., 1918). (Ф.)

6.II 1917 П. Блонский. Кн. С. Н. Трубецкой и философия. (Ф.)

24.II 1917 Н. Арсеньев. Мистицизм и лирика. Из области средневековой мистической поэзии Запада. (Ф.)

15.IV 1917	Заседание на тему «О новой России». Речи: С. Булгакова, С. Дурылина, А. Евдокимова, Г. Рачинского, Е. Трубецкого, В. Турбина.
26.IV 1917	Беседа на тему «О религиозных задачах, стоящих перед новой Россией». Вступительное слово священника о. Павла Флоренского. (Ф.)
19.V 1917	Заседание памяти В. Эрна. Речи: Н. Бердяева, С. Булгакова, А. Белого, С. Дурылина, о. С. Соловьева, Г. Рачинского, Е. Трубецкого, В. Турбина, о. П. Флоренского. (Ф.)

1917—1918 гг.

18.X 1917	Беседа на тему «Революция и русское национальное самосознание». Вступительное слово А. М. Ладыженского. (Ф.)
11.I 1918	В. Иванов. Происхождение трагедии. (Ф.)
14.I 1918	Е. Трубецкой. Россия в ее иконе. (Ф.) (Русская мысль. 1918. № 1/2).
11.II 1918	С. Дурылин. Исповедник Руси. Из религиозных и национальных воззрений В. А. Кожевникова. (Ф.)
18.II 1918	Е. Трубецкой. Откровение Божьего дня. (Ф.)
24.III 1918	С. Булгаков. Вл. Соловьев и А. П. Шмидт. (Ф.)
29.IV 1918	С. Дурылин. Апокалипсис и Россия. (Ф.)
3.VI 1918	С. Булгаков. На пиру Богов. (Из глубины. М., 1918).

Уже один сухой этот перечень способен вызвать щемящее чувство утраты. Но ведь здесь наверняка зафиксирована лишь меньшая часть того богатства, которое подарило людям только одно общество, а ведь были и другие, и не только в Москве. Здесь даже не упомянуты многие мыслители, оставившие неизгладимый след в памяти слушателей. Вот что, например, вспоминает Ф. Степун, кстати, тоже здесь не упомянутый и тоже бывший одной из ярчайших фигур философской Москвы:

«Одним из самых блестящих дискуссионных ораторов среди московских философов был Борис Петрович Вышеславцев... Юрист и философ по образованию, артист-эпикуреец по утонченному чувству жизни и один из тех широких европейцев, что рождались и вырастали только в России, Борис Петрович развивал свою философскую мысль с тем радостным ощущением ее самодовлеющей жизни, с тем смакованием логических деталей, которые свойственны скорее латинскому, чем русскому, уму. Говоря, он держал свою мысль, словно некий диалектический цветок, в высоко поднятой руке и, сбрасывая лепесток за лепестком, тезис за антитезисом, то и дело в восторге восклицал: "Поймите... оцените..."»[17].

Дав в своих мемуарах удивительную по своей многомерности и многокрасочности картину культурной жизни предреволюционной Москвы, Степун сам себя вопрошает, не преувеличил ли он значения этой «канунной культуры», особенно если прилагать к ней европейскую мерку. Он трезво сопоставляет ее с культурной жизнью Германии до 1933 г., вспоминает, что почти в каждом более или менее значительном немецком городе были различного рода общества, в которых ему самому довелось прочесть более трехсот докладов, но не колеблется в своей высокой оценке московской духовной жизни.

«Читал я много, — пишет он, — и в венских и берлинских литературных салонах, где собирались образованнейшие и умнейшие люди. Конечно, можно усомниться, не являет ли описанная мною московская жизнь на фоне европейской культуры скорее образ духовной скудости, чем богатства. Мой ответ, да простят мне его мои европейские, главным образом мои немецкие друзья, вполне определенен: отнюдь нет. Конечно, русская культурная жизнь была менее разветвленной, чем европейская, но мне кажется, что она в некотором смысле была духовно более напряженной»[18].

В недрах Религиозно-философского общества в 1917 г. возник «Проект Религиозно-философской академии в Москве»[19]. Ввиду того что проект академии возник «во время всеобщего переустройства государственной жизни», он заранее отказывается от задачи полной регламентации преподавательской и исследовательской жизни академии, провозглашая только общие принципы и цели. Было заявлено, что принципом работы академии должна стать не конфессиональная приверженность, а «полная свобода исследования» и «положительное отношение к христианству и именно к православию».

Академия создана не была, да и само общество в середине 1918 г., после конфискации дома и имущества М. К. Морозовой, прекратило свою деятельность.

Однако, несмотря на лишения, вызванные гражданской войной и хозяйственной разрухой, бывшие члены общества еще раз попытались восстановить традицию. Осенью 1919 г. по инициативе Н. А. Бердяева в Москве была основана Вольная академия духовной культуры.

В академии был прочитан целый ряд курсов: «Философия духовной культуры» (А. Белый); «Философия истории» (Н. Бердяев, позднее, в 1923 г., издавший этот курс в Берлине в виде книги «Смысл истории»); «Греческая религия» (Вяч. Иванов); «Искусство Ренессанса» (П. Муратов); «Введение в философию» (С. Франк, издавший этот курс в виде книги в Москве в 1922 г. и в Берлине в 1923 г.); «Этика» (Б. Вышеславцев); «Жизнь и творчество» (Ф. Степун, издавший в 1923 г. в Берлине книгу под таким названием); «Этапы мистического пути» (о. Владимир Абрикосов).

Н. Бердяев вел также семинар по творчеству Достоевского, результатом чего явилась книга «Миросозерцание Достоевского».

В 1920 г., помимо чтения курсов, было организовано чтение докладов, которые охватили широкий круг тем: «Кризис культуры», «Кризис философии», «О христианской свободе», «О сущности христианства», «Идеальная Греция», «Теософия и христианство», «О магической природе слова», «Восток, Россия и Запад», «О польском мессианизме», «Духовные основы хозяйства», «Критика историзма», «О преодолении пошлости», «К. Леонтьев», «О "Закате Европы" О. Шпенглера», «В. Соловьев и вселенское христианство» и многие другие.

Сначала слушателей было немного, но потом зал Высших женских курсов, рассчитанный на 300 мест, уже не мог вместить всех желающих, и некоторые доклады приходилось повторять дважды.

Публичные же лекции в зале Политехнического музея собирали более 1000 слушателей. Очень интересная характеристика слушателей и атмосферы, царившей на докладе и лекциях, дана в отчете о деятельности академии, помещенном в сборнике «София» (Берлин, 1923): «Публика, посещавшая Академию, не была обычной публикой, которая приходит на лекции и доклады из любопытства, для развлечения. Это были люди, жадно ищущие, стремящиеся найти новые пути, люди, для которых разрешение вопросов духовных было решением их жизненного пути. Поэтому атмосфера лекций и докладов была исключительной, страстной напряженности»[20].

Идя навстречу пожеланиям молодежи, академия организовала весной 1922 г. по инициативе Н. Бердяева и С. Франка философско-гуманитарный факультет, работа которого была прервана из-за высылки из России в августе-сентябре 1922 г. группы профессоров, в том числе и организаторов этого факультета. Вскоре прекратила деятельность и сама академия.

Высланные из России философы вскоре, 26 ноября 1922 г., основали в Берлине Религиозно-философскую академию, московский же период жизни Религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьева вместе с его истоками и попытками возрождения можно считать на этом завершившимся.

В связи со сказанным на ум невольно приходит сравнение. Почвенный слой планеты Земля составляет порядка одной десятимиллионной части ее радиуса, и если снять эту тончайшую пленку, то Земля уже будет не носительницей удивительно разнообразной биологической жизни (может быть, единственной во всей вселенной), не колыбелью человеческой цивилизации, а булыжником, летящим в космосе. Точно так же и человечество, утратив по тем или иным причинам тончайший культурный слой, состоящий из творцов хрупких художественных и философских аппаратов, помогающих увидеть или расслышать смысл человеческой жизни, чтобы народы могли жить в свете этого смысла, — утратив этот слой, человечество способно «выпасть» из истории в зооподобное состояние. Наращивание плодоносного культурного слоя является очевидной и насущной задачей нашего общества. От надежности его зависит, будем ли мы гарантированы от ужасов самопожирания общества, которые у всех на памяти.

[1] Письма Владимира Сергеевича Соловьева. СПб., 1911. Т. 3. С. 259—260.
[2] Там же. С. 260.
[3] *Радлов Э. Л.* Голос из невидимых стран // Дела и дни. Пг., 1920. Кн. 1. С. 190.
[4] Предпринятая ранее попытка Л. Е. Оболенского издавать с 1880 г. философский журнал «Мысль» не увенчалась успехом, так как ему пришлось фактически одному заполнять страницы этого журнала, который не пользовался успехом. Точно так же не удалась попытка А. А. Козлова издавать «Философский трехмесячник» в 1885 г. Этот журнал также оказался журналом одного автора.
[5] Позднее оно получило название «Общество памяти С. Н. Трубецкого».
[6] ЦГАЛИ. Ф. 575. Кн. 1. Ед. хр. 15. Л. 2.
[7] Последний успел лишь написать и напечатать в издательстве Свято-Троицкой Сергиевой Лавры брошюру «Данные к жизнеописанию архимандрита Серапиона

(Машкина)» отдельным оттискам статьи, помещенной в «Богословском вестнике» за февраль-март 1917 г.

[8] С уставом общества и целым рядом повесток его заседаний меня ознакомили члены семьи П. А. Флоренского, за что приношу им глубокую благодарность. В публикуемом ниже списке докладов, прочитанных на заседаниях общества, те из них, сведения о которых почерпнуты или уточнены с помощью этих документов, помечены символом (Ф.).

[9] *Булгаков С. Н.* Автобиографические заметки. Париж, 1946. С. 77.

[10] Там же. С. 77—78.

[11] ГБЛ. Ф. 265. Кн. 191. Ед. хр. 4. Л. 10 об.

[12] ГБЛ. Ф. 265. Кн. 134. Ед. хр. 2. Л. 29 об.

[13] См.: *Арсеньев Н. С.* Дары и встречи жизненного пути. Франкфурт-на-Майне, 1974. С. 60.

[14] Там же. С. 64.

[15] Там же. С. 61—64.

[16] *Scherrer J.* Die Peterburger religiös-philosophischer Vereinigungen: Die Entwicklung des religiösen Selbstverstandnisses ihrer Inteligencija-Mitglieder (1901—1917). B., 1973.

[17] *Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. Нью-Йорк, 1956. Т. 1. С. 261.

[18] Там же. С. 263.

[19] ГБЛ. Ф. 171. Кн. 16. Ед. хр. 9. Л. 1-5.

[20] София: Проблемы духовной культуры и религиозной философии / Под ред. Н. А. Бердяева. Берлин, 1923. С. 136.

ПАМЯТИ КОЛЛЕГИ

Автора этой статьи нет в живых... Еще совсем недавно (кажется, что это было всего лишь вчера, хотя прошло уже больше года) входила Нина Федоровна в институт, всегда наполненная новыми идеями и планами. Каждый, кто ее знал, помнит ее внимательность и доброжелательность по отношению к коллегам и собеседникам, ее мягкость, вежливость и уважение к оппонентам и в то же саоме время строгую принципиальность и твердость в отстаивании своих убеждений. Это проявлялось как в теоретических спорах, так и в любом, казалось бы, не столь уж значительном случае, когда она ощущала несправедливость. Чувство своей и общей ответственности, искренняя увлеченность не только сугубо профессиональными делами, но и глобальными, общечеловеческими проблемами, высокая интеллектуальная культура — все эти качества составляли неотъемлемые черты ее характера.

Нине Федоровне был присущ довольно редко встречающийся удивительно органичный синтез: она была вдумчивым, талантливым ученым-профессионалом, доброжелательным человеком. И потому вполне естественно, что она пользовалась глубоким уважением и любовью своих друзей и коллег.

Нина Федоровна Уткина родилась в г. Коканде в 1928 г. Она была выпускницей философского факультета МГУ, после окончания которого защитила кандидатскую диссертацию. Некоторое время Нина Федоровна преподавала философию в высших учебных заведениях, а в 1960 г. связала свою судьбу с Институтом философии АН

© В. И. Приленский, 1993